

А.А. Алакаев

Манифест 17 октября 1905 г. в контексте модернизации российской политической системы начала XX в.

А.А. Алакаев*

Современная Россия переживает новую волну модернизации во всех сферах общественной жизни. В этой связи мы не можем не учитывать российский опыт модернизации предшествующего времени. Следовательно, обращение к этому опыту модернизации российской политической системы начала XX века является весьма полезным и обоснованным. Поэтому для понимания роли и значения модернизационных процессов в политической жизни сегодняшней России необходимо также провести тщательный анализ нормативно-правового документа под названием «Манифест 17 октября» 1905 года.

В истории самодержавия в период российской революции особое место принадлежит государственным преобразованиям 1905 г., кульминационным пунктом которых явился Манифест 17 октября. Затем последовали и другие произведенные сверху изменения в государственном строе страны – реформа Государственного совета, разработка и принятие новых Основных законов. Однако, при всех разногласиях между историками и правоведами относительно оценки Манифеста 17 октября, именно этот государственный акт открывал путь к введению реальной конституции. Впрочем, Манифесту 17 октября предшествовали государственные акты, начиная с указа 12 декабря 1904 г., представлявшие собой неохотные, но неизбежные шаги царских властей в области государственных преобразований. Они делались под давлением революционных событий навстречу требованиям и пожеланиям либеральной оппозиционной общественности и широких демократических кругов. Чем выше поднималась революционная волна, тем настоятельнее становились эти требования и уступки [1]. Манифест 17 октября был далеко идущей уступкой. Но отход от самодержавного принципа, движение по пути, ведущему к со-

звуху народного представительства и образованию объединенного правительства, составляли процесс, занявший весь 1905 г. и сопровождавшийся драматическими переживаниями самого царя и его ближайшего окружения.

Российский конституционализм представлял собой политическую платформу и весьма специфическую разновидность европейского конституционализма. Его главной особенностью в начале XX в. в России являлось то, что он не имел широких социальных корней, являлся результатом не столько революции, сколько реформы сверху. В этих условиях феномен правовой модернизации проявляется особенно четко, нормы западных конституционных государств становятся здесь моделью желательных изменений в направлении рационализации, модернизации и европеизации политического строя [2].

С этим связана и главная проблема проведения конституционных реформ. Она состояла в необходимости одновременного преобразования социальных отношений и политической системы, которые к тому же должны были быть решены в очень короткий промежуток времени, в условиях войн и революций. Первым подобного рода предложением был проект о создании Думы, который появился благодаря усилиям П.Д. Святополка-Мирского по реформированию системы правления. Следовало либо проявить непреклонность и оставить все как есть, либо откровенно провозгласить конституцию, но не демонстрировать свою нерешительность и давать тем самым повод к кривотолкам. По нашему мнению, конституционный путь развития постепенно становится реальной альтернативой в определении дальнейшего политического вектора страны.

Министр внутренних дел А.Г. Булыгин разработал проект создания Думы. Проект, известный под названием булыгинской думы, был обсужден на совете в августе 1905 г., но потом под воздей-

* Алакаев А.А. — аспирант Социально-гуманитарного института Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова.

ствием либеральной общественности отклонен. В сентябре 1905 г. страну охватили железнодорожные забастовки, а к середине октября началась всероссийская стачка. Бездействовал телеграф, телефон, не работала почта, не выходили газеты. Доселе запретное слово «конституция» все чаще звучало в чиновной среде, столь же часто упоминалось имя С.Ю. Витте, представившего императору план преобразований [3]. Доклад, поданный им Николаю II, был ярким примером византийского лукавства. Почти каждое утверждение сопровождалось оговорками, призванными оставить лазейку для прежнего провозглашения и вселилия царской бюрократии. Не все поняли это сразу, но последующий ход событий подтвердил, что дело обстояло именно так [4].

«Россия переросла форму существующего строя. Она стремится к строю правовому на основе гражданской свободы», – утверждал С.Ю. Витте [5]. Николай II не был полностью уверен в необходимости реформ, до последней минуты уповая на карательные меры. Власть вынуждена была пойти на ранее невиданные уступки – реформирование политической системы, от чего она отказывалась на протяжении всего пореформенного периода.

Упустив этот шанс сорок лет назад, власть с непростительным опозданием и в невыгодной для себя обстановке, при ином качественном и количественном соотношении общественных сил, пошла на давно назревшую реформу. Принципиальная разница в новой ситуации состояла в том, что власть не сумела сохранить за собой историческую инициативу. В 1905 году эта инициатива ею была уже утрачена. Ее перехватили другие общественно-политические силы, создавшие партийные структуры и рассчитывавшие с их помощью сконструировать иные политические системы, более отвечающие вызовам новой эпохи. Вечером 17 октября Николай II поставил свою подпись под Манифестом, который гласил: 1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы, совести, печати, слова, собраний и союзов; 2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей кратности остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав; 3. Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы [6]. Таким образом, появляется Государственная Дума – новый институт, который наделяется законодательными правами. Это, несомненно, является элементом модернизации политической системы Российской империи начала XX века.

Общество восприняло издание Манифеста 17 октября как свою величайшую победу над самодержавием, достигнутую мирными средствами. Манифест 17 октября 1905 года стал разделительной чертой между Россией самодержавной и Россией, получившей новое государственное устройство. Авторитаризм с момента принятия Манифеста, рассчитанного на вывод страны из кризисного состояния и консолидацию общества, должен был строить свою политику, исходя из новых реалий [7]. Но «обновленный режим» тысячами нитей по-прежнему был связан с традиционными стратами, прежде всего с помещичьим дворянством, которое в течение веков было социальной опорой самодержавия. Осознавая слабость этой реликтовой опоры, власть стремилась расширить свою социальную базу за счет патерналистски настроенного крестьянства и в какой-то мере за счет новых пореформенных страт.

Широкий антисамодержавный фронт после Манифеста 17 октября распался, в революции наступил перелом. Либерально настроенная часть общества согласилась с «правилами игры», предложенными властью, и выразила готовность участвовать на этой основе в мирном переустройстве России. Отход либеральных сил от революции привел к ослаблению натиска на власть. В революционном потоке остались леворадикальные политические партии, взявшие курс на продолжение борьбы до окончательной ликвидации ненавистного им политического режима. На практике это означало перевод революции из фазы относительно бескровного развития в фазу открытого вооруженного противостояния, исход которой могла решить только победа одной из сторон и полное поражение другой [8]. Все они подчеркивали явную двусмысленность обещаний, данных Манифестом, и опять создавали вместо достигнутого этапа какое-то переходное положение [9].

Царский Манифест, обнародованный 17 октября 1905 года, означал разрыв с российской политической традицией, выход за ее исторические границы. Этот документ соединял авторитарный идеал и с либеральным, и с демократическим [10]. Несколько строк Манифеста коренным образом меняли государственное устройство России. Самодержавная власть ограничивалась представительными учреждениями, политические свободы свидетельствовали о постепенном изменении облика монархии, ее эволюции из феодальной в буржуазную. Буквально на следующий день после появления Манифеста возник вопрос, можно ли рассматривать его в качестве конституции. Подписывая манифест, Николай II с тяжелым сердцем признавал, что дарует конституцию. Он писал: «Немного нас было, кото-

рые боролись против нее. Но поддержки в этой борьбе ниоткуда не пришло. Всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей, и в конце концов свершилось неизбежное!» [11]. Вместе с тем Николай II по-прежнему именовал себя самодержцем. После периода паники и растерянности царское окружение начало проводить мысль, что государь внес лишь незначительные изменения в порядок принятия законов и что Манифест никоим образом не превратил российского самодержца в конституционного монарха.

В самом скором времени большинство из торжественных обещаний подверглись пересмотру и произвольному истолкованию. Поскольку военно-административный аппарат оставался в полном распоряжении прежней власти, многие из обещанных свобод оказались фикцией. Тем не менее Манифест 17 октября оказал огромное влияние на внутреннюю политику. Иными словами, результатом революционных потрясений стало событие 17 октября 1905 г. Царь в большей степени под влиянием С.Ю. Витте подписал Манифест, «даровавший неопределенные обещания, навязал царю изменения в рабочем механизме так называемого самодержавия» [12]. Кадетская партия как целое видела в Манифесте конституционный акт, отменявший неограниченное самодержавие и создававший условия для установления в стране конституционно-монархического режима. Этой точки зрения придерживались кадетские юристы, историки и политики. Однако вопрос о том, достаточно ли Манифеста для прекращения революции в стране, оставался проблематичным и вызывал среди кадетов споры [13].

Это была реформа по пути к демократии – точно такого же рода, как и происходившие во многих странах Европы в те годы, эпоху буржуазно-демократических революций и преобразований [14]. Изменение статуса Государственной Думы и Государственного совета в соответствии с положениями Манифеста 17 октября было закреплено Манифестом 20 февраля 1906 г. «Об изменении Учреждения Государственного совета и о пересмотре Учреждения Государственной думы». В нем провозглашалось, что со времени созыва Думы и Государственного совета закон может получить юридическую силу лишь в случае их согласия. Статус Думы определяется аналогичным образом – как совещательного органа, создаваемого для «обсуждения законодательных предположений, восходящих к верховной самодержавной власти по силе основных законов» (ст. 1). Анализ с этой точки зрения Свода основных законов (в новой редакции 1906 г.) позволяет констатировать существенное отступление от положений Манифеста 17 октября 1905

года [15]. Внешне структура отношений Думы и Государственного совета между собой, с одной стороны, и с монархом и правительством – с другой, осталась без изменений. Однако благодаря соответствующим формулировкам о прерогативах самодержца реальный центр власти оказался в новой редакции Основных законов смещенным в пользу монарха. Тем не менее для современников, а затем и исследователей законодательные акты 1905–1906 гг. означали рождение «нового строя» [16]. Итак, верховная власть в начале XX века стремилась неуклонно следовать установившимся в предшествующие столетия принципам неограниченного самодержавного правления, рассматривая их как единственно верный и возможный способ управления страной. Основу всех действий монарха составляет его законное право «хозяина земли русской», ответственного за свои деяния перед Богом и последующими поколениями его династии. Ощущение законности своей власти обеспечивает монарху право широкого использования самых решительных, прежде всего военно-полицейских, акций в условиях угрозы правлению. Именно эти способы наведения порядка в стране представляются императору более предпочтительными по сравнению со всеми прочими. Уступки, на которые идет власть, создавая народное представительство, совершаются ею под сильным и вооруженным давлением революционных сил. Все шаги, совершенные властью в этом направлении, имеют характер не упреждающих мер, а безнадежно запоздавших, ценность которых с течением времени стремительно падает. Отступая под давлением силового нажима, власть все же сохраняет веру в то, что эти преобразования носят временный характер, отсюда отсутствие последовательности и желания в доведении преобразований до их логического завершения, в том числе и в их правовом оформлении. Следовательно, традиционные взгляды монарха становятся тормозом в принятии кардинальных решений, которые необходимы государству, расшатанному революционной стихией. В процессе создания народного представительства курс власти отличался теми же чертами, что и вся проводимая политика: отсутствием последовательной линии, колебаниями, нерешительностью и политическими просчетами. Главное устремление власти на этапе формирования Думы – стремление отойти от всех образцов с революционным духом.

«Понимание» властью традиций управления российским государством базируется, прежде всего, на вере в существование единения монарха с народом, преданным патриархальным традициям и поддерживающим самодержавное управление. Но вместе с тем Манифест 17

октября как декларация намерений по совершенствованию государственного устройства страны содержал в себе признаки модернизма.

Октябрьский Манифест впервые в истории России провозгласил учреждение парламента и необходимых гражданских свобод. Законодательная Дума, таким образом, подлежала преобразованию в Думу законодательную. Манифест также предусматривал расширение избирательного права, но осуществлено это было не самым удачным образом. «Структура и язык законодательного акта свидетельствуют о стремлении максимально инкорпорировать новый институт в традиционную административную систему монархического государства» [17]. Дело в том, что Манифест не укладывался в традиционные рамки позитивного права, поскольку выражал намерение осуществить определенные действия, но не сами эти действия. Формально Манифест не ограничил самодержавия, так как создание парламента только еще предполагалось. Однако царь, дав в Манифесте торжественное слово следовать конституционному выбору, сразу же не мог взять его обратно. Поэтому власть русского императора, оставаясь неограниченной *de jure*, после 17 октября 1905 г. оказалась ограниченной *de facto*.

Не будучи законом в формальном смысле, октябрьский Манифест обладал огромной правообразующей силой. Все последующее конституционное законодательство России своим возникновением обязано главным образом ему. Манифест 17 октября не был конституцией и

даже конституционным законом, по своим юридическим характеристикам он походил на так называемые европейские конституционные хартии, получившие распространение в эпоху конституционных преобразований. Все они предусматривали участие народа в законодательстве и подтверждали права человека [18].

Манифест 17 октября 1905 г. стал не только важным этапом, но и своего рода итогом развития общественной мысли XIX – начала XX вв. и попыток реформировать государственное устройство «сверху». Вместе с тем Манифест 17 октября оказал огромное влияние на внутреннюю политику последнего царствования.

И хотя основные положения Манифеста подвергались антидемократическим поправкам, отменить его уже было сложно. Россия вступила в новый этап своего политического развития [19]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что Манифест 17 октября является важнейшим этапом в реформировании политической системы. В этом отношении он открывал путь к «монархическому конституционализму» и, на наш взгляд, представлял собой серьезную, целостную попытку модернизации государственного строя Российской империи в начале XX века. Но, тем не менее, Манифест 17 октября носил поверхностный, общий характер, который допускал разные интерпретации. Именно этот факт предопределил то, что дальнейшие законодательные акты, повлиявшие на формирование политической системы, отличались от самого Манифеста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ганелин Р.Ш. *Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и Революция.* – М., 1991. С. 204.
2. Медушевский А.Н. *Конституционные революции в России XX века: Сравнительный анализ // Неприкосновенный запас.* 2005, № 6. С. 51.
3. Великий князь Александр Михайлович. *Книги воспоминаний.* – М., 1991. С. 147.
4. Шацлло К.Ф. *Первая Революция в России 1905–1907.* – М., с. 108.
5. Витте С.Ю. *Воспоминания. Т.3.* – М., 1960. С. 91.
6. *Российское законодательство X–XX веков.* Т.9. – М., 1994. С. 41.
7. Волобуев О.В., Шелохаев В.В. «*Великие потрясения*» 1905–1907 годов в контексте российской модернизации. // *Свободная мысль.* 2005, № 1. С. 187.
8. Милюков П.Н. *Воспоминания.* – М., 1991. С. 211.
9. Ахиезер А.С. *История России: конец или новое начало?* – М., 2008. С. 256.
10. *Дневники императора Николая II.* – М., 1991. С. 67.
11. Вебер М. *О модернизации русского самодержавия. // Политис.* 2006, № 2. С. 60.
12. Шелохаев В.В. *Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг.* – М., 1983. С. 143.
13. Селунская Н., Тоштендаль Р. *Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века.* – М., 2005. С. 32.
14. Гоголевский А.В. *Русский либерализм в последнее десятилетие империи.* – СПб, 2002. С. 35.
15. Кропоткин Г.М. *Правящая бюрократия и «новый строй» Российской Государственности после манифеста 17 октября 1905 года // Отечественная история.* 2006, № 2. С. 24.
16. Медушевский А.Н. *Конституционная монархия в России // Вопросы истории.* 1994, № 8. С. 34.
17. Дзидзоев Р.М. *Первый конституционный документ России. // Государство и Право.* 1997, № 6. С. 113.
18. Малышева О.Г. *Государственная Дума в системе власти Российской империи / Диссертация... доктора исторических наук.* – М., 2001. С. 160.
19. Кравец И.А. *Российский конституционализм. Проблемы становления, развития и осуществления.* – СПб, 2004. С. 112.